

Воображая священника XIX века: (по материалам романа А. С. Стурдзы «Письма о должностях священного сана»)

Рекомендация для цитирования:

Лютко Е. И. Воображая священника XIX века: (по материалам романа А. С. Стурдзы «Письма о должностях священного сана») // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2024. № 42(4). С. 200–223.
<https://doi.org/10.22394/2073-7203-2024-42-4-200-223>

For citations:

Lutko, Ye. I. (2024) “Imagining a modern priest: (based on the novel by A. Sturdza “Letters on the Offices of the Holy Order”)”, *Gosudarstvo, religii, tserkov' v Rossii i za rubezhom* 42(4): 199–223.
<https://doi.org/10.22394/2073-7203-2024-42-4-199-223>

Поступила в редакцию: 23.02.2024;
прошла рецензирование: 16.06.2024;
принята в печать: 16.09.2024.

Received: 23.02.2024; Revised: 16.06.2024;
Accepted for publication: 16.09.2024.

This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© 2024 by the author.

ЕВГЕНИЙ И. ЛЮТКО

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (Москва, Россия). e.i.lutjko@gmail.com
ORCID: 0000-0002-7292-0303

Статья посвящена изучению вопроса о том, в какой степени интуиции, выраженные в художественной литературе, могут превосходить трансформации религиозной жизни эпохи модерна и, в частности, фигуры православного священника в Российской империи. В центре внимания эпистолярный роман А. С. Стурдзы «Письма о должностях священного сана» (1840–1841). Священник, изображаемый Стурдзой, должен соответствовать требованиям современности, быть «священником XIX века». Отстраняясь от ситуации социального быта, Стурдза рисует священника, находящегося поверх всех культурных и социальных разделений, исключенного из рыночного формата взаимодействия, запускающего экономику дарообмена и раннюю религиозную социализацию детей. Все это позволяет ему «становиться со-

вестью» христианина, вне зависимости от социальных барьеров, их разделяющих. Сам священник, в свою очередь, не мыслится без духовника, который, позволяет выдержать стресс интенсивных взаимосвязей в современном обществе. Священник Стурдзы видит обширное поле задач, стоящих перед церковью как агентом социального развития, что невозможно без интенсивного сотрудничества между клириками, особенно в ситуации быстрорастущих городов. Решению этих — пастырских и социальных — задач должно быть посвящено и взаимодействие священника и архиерея, которое Стурдза мыслит гораздо более тесным, чем оно могло быть в первой половине XIX в. Как в этом вопросе, так и в целом, ситуация священника Стурдзы значительно опережает свое время: в романе Стурдзы угадываются многие тенденции в развитии как нормативных нарративов о православном священстве, так и социальных процессов российского общества. В этом смысле можно говорить о том, что «воображение» автора имело характер художественной разработки его историко-религиозных интуиций, позволивших ему спрогнозировать развитие ряда элементов историко-религиозного характера.

Ключевые слова: Стурдза, современный священник, сословное общество, православное духовенство, духовник, воображение, клерикальный роман

Imagining a Modern Nineteenth-Century Priest: (Based on the Novel by A. Sturdza “Letters on the Offices of the Holy Order”)

Eugene I. Lutko

Saint Tikhon’s Orthodox University (Moscow, Russia).

e.i.lutjko@gmail.com

ORCID: 0000-0002-7292-0303

The article is devoted to the study of the extent to which the fiction can have predictive potential in describing the religious life of the modern era and, in particular, the figure of the Orthodox priest in the Russian Empire. The focus is on the epistolary novel by Alexander Sturdza “Letters on the Offices of Holy Orders” (1840–1841). The priest depicted by Sturdza must meet the requirements of modernity, be a “priest of the 19th century.” Moving away from the situation of estate-based social structure, Sturdza depicts a

priest who overcomes all cultural and social differences, excludes himself from the market interactions and triggers gift economy and early religious socialization of the children. All this allows him to “become the conscience of the Christians,” regardless of the social barriers separating them. The priest himself, in turn, cannot be imagined without a confessor, who allows him to withstand the stress of intense relationships in modern society. The priest image in Sturdza’s novel is significantly ahead of his time: many changes can be found in both normative narratives about the Orthodox priesthood and the social processes in Russian society. In this sense, we can say that the author’s “imagination” in this case was an artistic development of his historical anticipations that allowed him to predict the further course of development of the Russian religious life.

Keywords: Sturdza, modern priest, estate society, Orthodox clergy, confessor, imagination, clerical novel

«ЭПОХА историзма» (XIX в.) — это открытие прошлого как явления, в сравнении с которым осознается своя инаковость. Это осознание, в свою очередь, предполагает идею реформы, т. е. воображение вариантов возможного; того, чего еще нет, но то, что сначала нужно помыслить, а затем воплотить в жизнь. Представление о том, что Церковь должна измениться, чтобы стать иной, современной, традиционно увязывают с эпохой Великих реформ, когда вокруг этого тезиса развернулась обширная полемика в церковной и светской печати. Явным образом одним из первых вопросов о том, что значит для Церкви «вызов современности», ставил архим. Феодор (Бухарев)¹. Но работа воображения относительно этого вопроса началась еще в предыдущем поколении.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 19-78-10143, <https://rscf.ru/project/19-78-10143/>. Организация выполнения проекта – Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет.

The work was supported by the Russian Science Foundation under grant No 19-78-10143, <https://rscf.ru/en/project/19-78-10143/>. The project was organized by St. Tikhon’s Orthodox University.

1. Бухарев А.М. О православии в отношении к современности. СПб.: Тип. Торгового дома С. Струговщикова, Г. Похитонова, Н. Водова и К^о, 1860.

В этой статье речь пойдет о книге Александра Скарлатовича Стурдзы² (1791–1854) «Письма о должностях священного сана» (Одесса: Гор. тип., т. I — 1840, т. II — 1841). Это эпистолярный роман про молодого священника, который под руководством духовного отца проходит путь церковного служения. Тот факт, что эту книгу написал мирянин, не принадлежащий даже к духовному сословию, не помешал впоследствии рассматривать ее в качестве руководства для священнослужителей³. Но Стурдза не писал текст, который должны были проходить в духовной школе. Книга, которая стала бестселлером⁴, должна была, захватив читателя остросюжетным повествованием, открыть новый горизонт того, чем мог бы быть священник в Российской империи, и, одновременно, показать священника как того, кем бы мог вообразить себя читатель. В точности так, как писал затем Иван Аксаков:

Недавно прочел целую книгу Стурдзы: «Письма о должностях священного сана». Книга очень интересная; вся жизнь священника, в столкновении с разными происшествиями и эпохами жизни, изложена в письмах его к одному монаху. По крайней мере,

2. Несмотря на существенное политическое, культурное, а во второй половине жизни церковно-политическое значение А. С. Стурдзы в России своего времени, его личность и деятельность не изучена в достаточной мере. Существует лишь одна монография, которая претендует на целостный взгляд на его фигуру, хотя в действительности она по большей части посвящена прежде всего его политическим проектам начала XIX в.: Ghervas S. (2008) *Réinventer la tradition. Alexandre Stourdza et l'Europe de la Sainte-Alliance*. Paris: Honoré Champion. См. также брошюру того же автора: Ghervas S. (1999) *Alexandre Stourdza (1791–1854). Un intellectual orthodoxe face à l'Occident*. Genève: Ed. Suzanne Hurter. См. также исследование межконфессиональной дискуссии Стурдзы и де Местра: Парсамов В. С. (2004) *Жозеф де Местр и Александр Стурдза: из истории религиозных идей Александровской эпохи*. Саратов: Изд-во Саратовского университета. Можно отметить также биографические очерки: Домникова Г. М. Александр Скарлатович Стурдза (опыт характеристики) // Христианство и русская литература. СПб.: Наука, 2002. Т. 4. С. 250–278; Минаков А. Ю. А. С. Стурдза: интеллектуальная биография православного мыслителя // Христианское чтение. СПб.: Изд-во СПбДА, 2016. № 1. С. 176–194. Довольно большая литература о Стурдзе существует в Румынии и Молдавии. Последним значимым событием стала докторская диссертация отца Октавиана Мосина. Mosin, O. (2019) *Umanismul filosofiei creștine în opera lui Alexandru Scarlat Sturza*. Teză de doctor în filosofie. Chișinău: USM.
3. *Иннокентий (Пустынский), иером.* Пастырское богословие в России за XIX век. Сергиев-Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1899. С. 155–183.
4. Домникова Г. М. Александр Скарлатович Стурдза (опыт характеристики). С. 263.

я прочел ее с пользой, и были минуты, когда мне хотелось быть священником⁵.

Две книги «о должностях»

Выявление характера отношений между «Письмами о должностях священного сана» и книгой «О должностях пресвитеров приходских» (1776) — первым развернутым русскоязычным текстом об обязанностях православного священника⁶ — позволяет понять, что значил труд Стурдзы в контексте эпохи, в ситуации, когда сама форма нормативных высказываний о священстве только зарождалась, а наименование «пастырского богословия» — то направление мысли, с которым впоследствии будет связана фигура священника — встречалось в России разве только в конспектах профессоров духовных академий. То, что Стурдза придавал своим «Письмам» большое значение, явствует не только из тех усилий, которое он предпринял для того, чтобы это новаторское произведение — роман в письмах о жизни священника, к тому же с весьма претенциозным названием, все же было опубликовано⁷. С другой стороны, надо отметить,

5. Аксаков И. С. Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. В 3 т. М.: Русская книга, 2003. Т. 1: Письма 1838–1849 гг. С. 212.
6. *Парфений (Сопковский), еп., Георгий (Конисский), архиеп.* О должностях пресвитеров приходских от Слова Божия, Соборных Правил и учителей церковных сочиненная. СПб.: Синодальная типография, 1776. Она была издана в Синодальной типографии, а экземпляры были разосланы по всем храмам. См.: Лютько Е. «О должностях пресвитеров приходских» в контексте Синодальной эпохи // Доклад на семинаре «Современные проблемы богословия священства» 20.02.2016 г. [URL:] https://www.academia.edu/116795458/_О_должностях_пресвитеров_приходских_в_контексте_Синодальной_эпохи [доступ 04.04.2024].
7. Крайне критический отзыв о «Письмах» дал свт. Филарет (Гумилевский): «Он любил писать о многом, и нередко писал о том, что сам недостаточно знал. а) Из назидательных сочинений его самое лучшее — “Письма о должностях священника”, в 2 ч., Одесса 1841–42. В 1843 г., впрочем, они не только исправлены, но и переделаны мос. духовной цензурой. Иначе в них много было безотчетности, произволов и ошибок». *Филарет (Гумилевский), свт.* Обзор русской духовной литературы. 862–1863. СПб., 1884. Кн. 2. С. 477. Свт. Филарет являлся ректором Московской духовной академии до 1841 г., где, собственно, базировалась Московская духовная цензура, и очевидно застал за работой цензора прот. Феодора Голубинского, который много трудился над тем, чтобы выправить текст русско-молдавского аристократа, решившего описывать жизнь русского приходского священника. Не совсем понятно, что, таким образом, имеет в виду свт. Филарет под переделкой 1843 г., т.к. все вопросы, касающиеся цензуры «Писем», были решены между автором и цензором уже к началу 1841 г. См. об этом: *Филарет (Дроздов), свт.* Собрание мнений и отзывов Филарета, Митрополита Московска-

что в самом авторском тексте слово «должность» не употребляется ни разу в том значении, в котором оно используется в названии⁸. К середине XIX в. слово «должность» уже понимается, преимущественно, как «служебное место», в то время как для середины XVIII в., эпохи расцвета специфической литературы «о должностях», «должность» — это прежде всего «обязанность». Очевидно, что архаизм, который использует Стурдза, является преднамеренной отсылкой к книге «О должностях пресвитеров приходских» (1776)⁹. Стурдза этот текст хорошо знал¹⁰ и, несомненно, помещал свой труд в своего рода диалог с этим классическим произведением. Выполненная в формате восходящего к античным образцам рассуждения о *de officiis*¹¹, книга «О должностях» представляла собой трактат об идеальном священнике. Это был монументальный образ, имеющий много черт античного риторика — акцент в книге «О должностях» сделан на учительской функции пресвитера и проповедническом искусстве в частности. Вместе с тем, обратной стороной его монументальности была герметичность и социальная изолирован-

го и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам. 1885. Т. 3. С. 3–10.

8. Применительно к собственно служению священника понятие «должности» в тексте также не используется. Характерный пример: «я не отказываюсь от учительской должности и работы в поте лица». *Стурдза А. С.* Письма о должностях священного сана. М.: Синодальная типография, 1861. Т. 1. С. 14.
9. Примечательно, что автор «писем о должностях» указывает на книгу «о должностях» как источник сведений об «обязанностях пастырского служения»: «а чтобы подробно узнать обязанности пастырского служения Церкви, пусть изучает он изданную, по благословению Св. Синода, книгу о должностях пресвитеров приходских». Там же. С. 20. См. также к истории понятия «должность»: *Виноградов В. В.* История слов: ок. 1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связ. М., 1999. С. 145.
10. В одном из своих произведений — написанной на греческом в годы греческой революции «Ручной книге православного христианина», Стурдза указывает на четыре обязанности священника: «молитву, священнодействие, поучение и соединять с оными пример благочестивой жизни», то есть те самые четыре должности, о которых идет речь в книге «О должностях». *Стурдза А. С.* Ручная книга православного христианина / перевод с греч. С. Дестунис. СПб.: Тип. К. Крайя, 1830. С. 234.
11. «Слово должность выступает как эквивалент лат. *officium*, оно сохраняет связь с идеей задолженности, положением подданства и распространяется на область религиозных императивов (...) Должность как служебная (общественная) обязанность в XVIII веке приобретает ореол сакральности». *Маслов Б. П.* От долгов христианина к гражданскому долгу (очерк истории концептуальной метафоры) // Очерки исторической семантики русского языка раннего Нового времени / под ред. В. М. Живова. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 252–253.

ность: не было понятно ни то, как священник должен мыслить и чувствовать, ни то, с кем и как он должен общаться. И в этом смысле роман в письмах Стурдзы — это естественное продолжение книги «О должностях», призванное представить ее содержание на «территории субъективности» и на языке новой эпохи — эпохи расцветшей эмоциональности и культивирования приватного¹². Стурдза попытался воплотить совершенный образ священника, показанный в «Книге», в конкретных жизненных ситуациях, наделять его чувствами, судьбой, поместить в контекст человеческих отношений. Момент языка, безусловно, имел не меньшее значение: книга «О должностях» была написана на до известной меры осовремененном церковнославянском, Стурдза же стремился сказать о священнике на языке пушкинской эпохи¹³.

Две книги «О должностях» были в равной степени далеки от реальности и представляли собой своего рода *Idealbildung*. Среднестатистический священник начала XIX в. не имел семинарского образования, в культурном плане он был отделен и от крестьянства, и от дворянства — меньше процента клириков были выходцами из мирских семейств¹⁴. Сословная замкнутость делала русское духовенство (прежде всего среднерусское) одной из наиболее обособленных социальных групп в Европе («касты» — как нередко называли ее даже сами духовные начиная с середины XIX в.¹⁵).

12. Связь между областью приватного и жанром эпистолярного романа прослеживается у Ю. Хабермас: «Когда к жанру обратился Руссо со своей “Новой Элоизой”, а затем и Гёте со “Страданиями юного Вертера”, эпистолярные романы хлынули неудержимым потоком. Территория субъективности, почти неизведанная в начале столетия, на его исходе осваивается уверенно и с удовольствием». Хабермас Ю. Структурная трансформация публичной сферы: исследования относительно категории буржуазного общества / под ред. М. Беляева; пер. В. И. Иванова. М.: Весь мир, 2016. С. 104.
13. Один из рецензентов замечает: «Когда-то издана была “Книга о должности пресвитерской”, написанная церковным языком и напечатанная славянскими буквами; но это сочинение для нашего времени очень недостаточно, и притом его почти невозможно достать в книжных лавках». Н. Р. [Рец.] Письма о должностях священного сана // Северная пчела. СПб., 1842. № 86 (17 апреля). С. 543. Очевидно, что «Книга о должности пресвитерской» — это искаженное название книги «О должностях пресвитеров приходских».
14. Freeze, G. L. (1977) *The Russian Levities*. Cambridge: Harvard University Press, pp. 199–200.
15. Одним из наиболее ранних обличителей «кастовости» духовенства был еп. Порфирий (Успенский), который уже в 1846 г. писал: «Наше духовенство есть каста, и как каста имеет прирожденные пороки». Порфирий (Успенский), еп. Его цер-

Но направленность двух стратегий «воображения» идеального священника была принципиально различной. Если перед книгой 1776 года стоял вопрос «каким должен быть священник?» вне всякого временного контекста, то Стурдза пытался ответить на вопрос «Каким должен быть священник XIX века?». В эпоху европейских революций представление о том, что есть что-то прочное и не нуждающееся в конкретном историческом обосновании, было скомпрометировано.

«Современный священник»

Представление о том, что «нынешняя эпоха» или «современность» отделена от прошлого цезурой, своеобразным «историческим стеклом» в эпоху, когда Стурдза писал свой роман, было для России новым. Через это стекло «современный человек» смотрит на минувшее, и он в доверок ко всему обладает зеркальным эффектом, потому что, наблюдая прошлое через историческую перспективу, он видит себя. Размещение православного священника в лишь недавно открытый в России контекст «современности» — знаковое нововведение Стурдзы. Он делает это через многозначительное словосочетание: «священник XIX-го столетия»:

Священнику XIX-го столетия непременно должно облечься во всеоружие Божие, дабы устоять противу козней диавола, преображающегося в ангела света <...> Итак, рассмотрим, во-первых, что в наше время нужно знать священнику; во-вторых, сличив этот образец с тобой, мы узнаем чего в тебе недостает, и как восполнить дознанную недостаточность твоих познаний¹⁶.

«Священник XIX века» — это не просто описательная категория; в понятии «человек XIX века» распознается социальная идентификация определенного круга в пределах дворянского образованного сообщества, в значительной мере ориентированного на Запад, который и являлся источником «современности»¹⁷.

ковная программа // О возрождении Русской Церкви. Вышний-Волочек: Тип. В. С. Соколовой, 1905. С. 51 (48–52). «Субобществом в большом обществе» империи называет духовенство этой эпохи Б. Н. Миронов. Миронов Б. Н. Социальная история России. СПб., 2003. Т. I. С. 102.

16. Стурдза А. С. Письма о должностях священного сана. Т. 1. С. 16.

17. «На смену “новой России” XVIII века приходит ощущение себя в европейской “со-временности” — понятие, которое развивается в XIX веке и входит в новый ба-

Ориентированного, разумеется, не означает «зависимого»; в случае просвещенного консерватора Стурдзы эта ориентированность заключалась скорее в способности давать равноценный ответ. И вместе с тем для духовного сословия, которое было в меньшей степени (само)соотносимо с западной культурой, подобная постановка проблемы была новой и таила в себе сложную проблему соотношения с прошлым — традицией, преданием. Представление о «священнике XIX века» было косвенно противопоставлено образу священника, который фигурировал на страницах существовавших в тот период нормативных текстов для духовенства и, прежде всего, упомянутой уже книги «О должностях пресвитеров приходских» — «от Слова Божия, Соборных Правил и учителей церковных сочиненной», как было сказано в ее названии.

Священник и мирянин

Создавая образ священника из «Писем», Стурдза руководствовался своим специфическим видением церковно-политических проблем, которые он наблюдал вокруг. В «Заметках о России», франкоязычном произведении, написанном по просьбе друга, переселившегося в Россию из одной из европейских стран¹⁸, Стурдза касается этой проблемы. Объясняя своему другу ситуацию в сфере религиозных институций в России, он упоминает о плачевном положении русского духовенства. В результате «деспотичной реформы» Петра сакральный характер священнослужителей оказался под вопросом, они лишились того «почтительного доверия», с которым верующие относились к ним прежде¹⁹. Государство установило «дуализм приказа и подчинения» (*dualisme*

зовый набор временных представлений». *Сдвижков Д. В.* Изобретение XIX века. Время как социальная идентичность // *Изобретение века: Проблемы и модели времени в России и Европе XIX столетия* / ред. Е. А. Вишленкова, Д. А. Сдвижков. М.: НЛЮ, 2013. С. 28. И далее: «Общее свойство временной идентичности XIX века, которое стоит отметить <...> связано с логикой формирования сферы социального в Новое время как последствий распада некогда цельной христианской общности. Мышление нового пространства и времени строится на аналитической перспективе, извлечении положительного смысла из разделения и партикуляризации социального мышления». Там же.

18. Stourdza, A. (1858) "Notions sur la Russie", *Oeuvres posthumes, religieuses, historiques, philosophiques et littéraires. Notion sur la Russie. Mission du Kamchatka*. Paris: Dentu.

19. *Ibid.*, p. 53.

du commandement et de l'obéissance) а инстанция, обеспечивающая применение «сдерживающей силы» (*rouvoir modérateur*) — то есть Церковь — была лишена власти. В связи с этим размножились всевозможные секты, участники которых, отделяясь от Церкви, были движимы «естественным чувством свободы» (*instinct de liberté naturel à l'homme*). Духовенство, безусловно, виновно в таком безрадостном положении вещей, но

их крайняя нищета, которая вынуждает их жить на случайные доходы, пожертвования, сниженные до самого низкого уровня, необходимость терпеть положение наемника, чтобы выжить, унижающая их положение в общественном мнении; наконец, недостаток регулярного образования, устранение которого началось только с 1810-х годов: все это освобождает русское духовенство от большей части вины, которую оно заслужило бы, если бы оно не имело в правительстве сообщника, гораздо более виновного, чем оно²⁰.

Стурдза, как и многие, кто смотрел на сословную ситуацию в России извне, видел проблему в том, что духовенство утратило свое положение соединительной ткани общества. Еще в 1760-х годах британский просветитель Джон Браун (1715–1766), чей проект государственных реформ был, по мнению Екатерины II, одним из наиболее перспективных, говорил, что священник должен занять такое положение, чтобы быть способным излечивать как неверие высших классов, так и варварство низших²¹. Стурдза также мыслит в этом направлении:

Яркий лоск светского просвещения, и утонченность нравов, загорают пути ниспадающим свыше лучам небесного света. <...> При таком расположении к Церкви людей из высших сословий и при невежестве простого народа, столь слабо приготовленного к принятию пищи духовной, как скорбен и тесен бывает подвиг проповедника, даже искусного и ревностного²².

В «Письмах» читателю предлагается очень подробный эпизод «обращения гордого умствователя»: призвав священника во время недуга, он сообщил, что «он уже несколько лет не бывал у исповеди и причастия Св. Тайн, потому что боится в руки

20. Ibid.

21. Kippis, A. (1760) "Brown (John)", *Biographia Britannica*. London: by W. and A. Strahan. Vol. 2., p. 670.

22. Стурдза А. С. Письма о должностях священного сана. Т. 1. С. 196–197.

попасть священнику — невежде <...>, не умеющему дать удовлетворительного ответа ни на какие умственные сомнения». Отец Александр, который, очевидно, соответствовал всем притязаниям больного, тем не менее, перебил: «грешник исповедуется Богу, а не человеку <...> Вы требуете слишком много от служителя Церкви, даже самого ученого, если хотите, чтобы он, подобно совопроснику века сего, вступил в бесконечные прения о спасительных истинах со всяким человеком, отвергающим духовную власть над собой»²³. Больной решил зайти с другой стороны, переместив разговор о своих сомнениях в плоскость традиционной великопостной исповеди: «я хочу исповедаться пред вами». — Еще не пора, возразил я вполголоса, стараясь смягчить жесткость моего отказа. Подумайте сами, возможно ли пресвитеру именем Божиим разрешать грехи неверующего, доколе он пребывает в неверии?»²⁴.

Предприняв этот рискованный, как с чисто пастырской, так и с общественной точек зрения шаг, отец Александр уходит. Тем не менее, стратегически этот шаг оказался успешным — уже через некоторое время, в течение которого он посещает этого человека, в его мировоззрении происходит перелом. В какой-то момент наступает «обращение»: «он онемел, сидел неподвижен, лицо его запылало, слезы из глаз брызнули; — он бросился обнимать меня, пал на колени перед Евангелием, — и мы несколько минут молились без слов, но единодушно и вкупе. Таково было начало обращения гордого умствователя»²⁵. Человек, «отвергающий духовную власть над собой», основываясь на доводах рассудка, возвратился в ограду Церкви, но сделал это по своей воле, при помощи убеждения священника, который с самого начала отверг всякие «властные полномочия», вплоть до власти «вязать и решить». Не комментируя историческую реалистичность такой ситуации по отношению к 1830–40-м гг., необходимо заметить, что она задавала новый горизонт пастырской работы, подразумевая полный пересмотр священником своего традиционного положения в социальной иерархии.

Священник Стурдзы действует в отношении «низших слоев» не менее изобретательно. В ходе одной из поездок в сельскую местность молодой священник Александр встречает отца Иоанна

23. Там же. С. 120–121.

24. Там же. С. 122.

25. Там же. С. 134.

и описывает в письме к старцу эту встречу. Если отец Александр служит в городе и призван явить читателю должное поведение городского священнослужителя, то отец Иоанн представляет собой идеального сельского батюшку. Он успешно справляется с нетривиальной задачей возбуждения церковной жизни в простом народе:

При самом вступлении моем на многолюдную и нравственно одичалую сельскую паству, я заметил, что прихожане мои привыкли смотреть на священника как на орудие церковных треб, лишенное сочувствия к скорбям и немощам их, а потому чуждое всякой ответственности за христианское их поведение²⁶.

Проповедь в их среде первоначально не удавалась, уподобляясь «сеянию на камени» — его «покорно слушали, но весьма слабо понимали». Тогда священник предпочел заняться «прилежным оглашением малолетних и юнош и девиц». Со временем и родители стали проситься на огласительные занятия отца Иоанна. 19 лет он занимался катехизацией сельской молодежи, доводя его до поры «вступления в список рабочих душ»²⁷. При том что его подопечные не удосуживались овладевать чтением и письмом, ведь в поместье не было школы. Да и то, как рассуждал отец Иоанн, надзор за школьным обучением должен всецело принадлежать священнику, и пределом познаний для селян является овладение «первыми началами чтения, чистописания и числения»²⁸. Результат, которого добился сельский пастырь, впечатляет:

Что всего дороже, советы мои приемлют и вне храма, и в домах, и во всех приключениях многотрудной деревенской жизни — потому что юное поколение чад моих привыкло понимать меня с детства, выросло под влиянием моим, и даже угадывает причины моего печального безмолвия, когда кто-либо из них провинился²⁹.

То, что вменял Стурдза священнику в отношении способа работы с народом, имеет много общего с просветительским проектом Ж.-Ж. Руссо, изложенном в романе «Эмиль, или О воспитании». Ключевая общая идея — глубокий пессимизм по отношению к способностям социальной среды взрослых людей измениться

26. Там же. Т. 2. С. 60.

27. Там же. С. 63.

28. Там же. С. 64.

29. Там же. С. 65.

к лучшему и, соответственно, стремление дать правильное воспитание детям. Христианин воспитывается с детства во взаимодействии со священником. В обратную сторону, именно знание чад с детства позволяет священнику стать буквально «их совестью» — тем, в чьем безмолвии угадывается собственная вина. Священник же должен предельно внимательно контролировать образовательную повестку, которая не должна выходить за рамки, где священник будет беспомощен прокомментировать то или иное новое знание с христианских позиций. Здесь ярче всего проявляется консерватизм Стурдзы и его глубокое разочарование просвещенческим проектом, ведь любой выход за эти рамки, любое неконтролируемое познание, фактически, может быть чревато появлением нового человека, «отвергающего духовную власть над собой».

Отношения глубокого доверия, которые вырабатывал священник Стурдзы — как на уровне городском, так и в сельском контексте — требовал пересмотра традиционного для духовенства способа материального снабжения. Священник не может требовать какого-либо «возмещения» от человека, чьей совестью он является. Поэтому старец весьма одобряет решение отца Александра трудиться на «гражданском» поприще: «Хвалу воздаю Господу, внушившему тебе мысль: частными занятиями восполнять скудость доходов твоих, нимало не обременяя бедных прихожан, которых усердие без сомнения умножится по мере такого бескорыстия»³⁰. Опыт сельского батюшки отца Иоанна — еще одного героя книги — оказывается еще более впечатляющим:

За посещение больных, причащение, соборование умирающих и оглашение малолетних о. Иоанн строго запретил и постоянно отвергает всякое воздаяние <...> При исправлении прочих духовных треб, как-то св. Крещения, Брака и чина погребения, равным образом и поминовения усопших, установлена особая кружка, или точнее устроен ковчежец³¹.

Отец Иоанн, тем не менее, не испытывает нужды: «введенный мной вольный сбор за духовные требы вовсе не уменьшил годового дохода, который по соразмерности равен доходам ближайших моих сослужителей»³². Но, кроме того, «хозяева, дети которых у него обучаются, наперерыв с плутами выходят на цер-

30. Там же. Т. 1. С. 72.

31. Там же. Т. 2. С. 72.

32. Там же. С. 73.

ковную землю, радостно вспахивают назначенный участок <...>. Уборка сена и хлеба также производится руками прихожан его»³³. В «годы тесноты, скорби и лишений», которые были общими для всех, в том числе и для служителей Церкви, прихожане отца Иоанна, в отличие от прочих, изъявляли «несравненно более готовности помочь его нуждам дружной работой или добровольной складкой»³⁴. Но и при приеме добровольной помощи отец Иоанн придерживается принципа, полностью устраняющего возможность какого-либо смущения: вменив «себе в долг, отклоняя частные дары, принимать, в случае крайности, одни лишь единокорпусные пособия»³⁵.

Пользуясь всеобщим доверием, отец Иоанн выступает ходатаем перед помещиком «за утесненных». Внушения его почти всегда уважаются, особенно в силу того, что делаются втайне и потому что «он никогда не преступает пределов духовной власти»³⁶. В своей сельской общине отец Иоанн — предмет всеобщей преданности:

«Кого ни спросишь: у того сын спасен им от пожара, других утешил и призрел о. Иоанн во время повальной болезни, свирепствовавшей в деревне, или делился с ними последним куском хлеба в голодный год; далее молодой парень, незаконно назначаемый в рекруты, вымолен им у сельского общества и называет его отцом родным»³⁷. Пример отца Иоанна способствовал развитию солидарности в селе: «бывали примеры, что в сонме прежних учеников моих братья добровольно подвергали себя рекрутской повинности, выкупая собой родных»³⁸. Повествование о нестяжательности отца Иоанна завершается его словами, сказанными в ответ на недоумение молодого священника, почему столь заслуженного пресвитера не возводят на высшие степени: «можно ли чем возвысить или возвеличить человека, удостоенного дара Священства?»³⁹. Примечательно, что сам отец Иоанн не занимается распределением материальных благ. Очевидно, что это и не требуется в крестьянской общине — институте, выстроенном во-

33. Там же. С. 72.

34. Там же. С. 74.

35. Там же.

36. Там же.

37. Там же. С. 75.

38. Там же. С. 68.

39. Там же. С. 77.

круг отношений взаимного дарообмена. Тем не менее жизнь отца Иоанна, сошедшего со страниц романа Стурдзы, является, пожалуй, одним из наиболее ранних примеров «воображения» дарообмена в качестве специфически «священнического» экономического действия⁴⁰.

Священник в церковном сообществе

Помимо взаимодействия с мирянами, формат романа в письмах позволил Стурдзе подробно изобразить систему надлежащих взаимоотношений между священнослужителями.

Сама структура эпистолярного романа, выстроенного в виде переписки молодого священника (отца Александра) со своим духовным отцом, делает фигуру последнего обязательной для священника. Старец-наставник играет роль более значимую, чем просто конфиденент в межпоколенческой переписке. Решение о принятии сана отец Александр всецело доверяет старцу:

Совет твой я приму как изречение воли Отца небесного. Он не хочет смерти грешника; Он не напрасно вверил меня с малолетства мудрому твоему водительству; Он же Всеблагий, возлюбивый меня в Сыне любви Своя, Господе нашем, начатое твоею рукою, тобою да совершит⁴¹.

В свою очередь, старец, не отвращаясь от самой переписки, указывает:

По воле Божией, мы розно с тобою живем; избери себе ближайшего опытного руководителя, с которым бы сердце твое расширялось, мысли яснились и душа изливалась свободно. <...> Часто бывай у духовного отца твоего, жаждай укоризны и с усилием покоряй ему волю свою. Ибо, если ты сам о себе свидетельствуешь, свидетельство твое ничтоже есть⁴².

Последняя рекомендация выглядит немного парадоксально и с очевидностью показывает, что для Стурдзы понятия «ста-

40. См. подробнее: *Емельянов Н., Юдин Г.* Структурная позиция священника в системах дарообмена // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17. № 3. С. 9–29.

41. *Стурдза А. С.* Письма о должностях священного сана. Т. 1. С. 3.

42. Там же. С. 32, 34.

рец», «духовный отец», «опытный руководитель» суть синонимы, то есть «духовное отцовство» не является уникальным явлением и старец не притязает на сохранение за собой этого статуса по отношению к отцу Александру. Примечательно, что в самих заголовках писем Стурдза допускает разнообразие: «духовного отца к отцу Александру» и «старца к отцу Александру». Духовник у Стурдзы, в свою очередь, понятие более узкое и употребляется по отношению к исповедующему священнику. Впрочем, и оно подчас употребляется синонимично по отношению к понятию «духовный отец», что делает терминологическую картину текста неопределенной⁴³. Фигура духовного отца/духовника/старца, тесно взаимодействующего с молодым священником, структурно выводится из его «современного» состояния. Именно в контексте «современности» — ситуации утраты устойчивых и общепринятых ориентиров — такая фигура становится необходимым элементом жизни священника⁴⁴.

Но духовник — это не единственный участник круга священнослужителей, который появляется на страницах «Писем». На определенном этапе священник оказывается призван к более тесному взаимодействию с братьями, особенно в контексте интенсивных процессов социального развития, наблюдаемых в XIX в. Выводом из его слов является то, что социальное служение Церкви в современном городе в принципе невозможно без интенсивного взаимодействия между священниками:

43. Так, старец пишет: «Малейшая погрешность со стороны Духовника может содаться душепагубною!», и далее «Отцы духовные, просите сих небесных даров — и вы несомненно получите их от Отца Светов». Там же. С. 153, 154. Неопределенность терминов духовной власти и, в частности, понятия «духовник», которое уже подчас коррелирует с понятиями «старец» и «духовный отец», отражает раннюю фазу распространения аскетической риторики на сферу мирского душепопечения: «при сохранении базового значения “исповедующий священник” к духовнику постепенно начинают предъявляться требования, отсылающие к монашеской традиции духовного руководства. Трансформация горизонта ожиданий от духовника не столько отражает эмпирическую реальность, сколько становится своеобразным конструированием будущего». Černyi, A. (2020) “Sündenvergebung oder spirituelle Führung? Transformation der Bedeutung von „duhovnik“ in der russischen Sprache des 19. Jahrhunderts”, *Slověne* 11(1–2): 149.

44. О связи между нахождением в гуще общественных отношений и необходимостью духовного руководства см.: «Стяжав проповедь и преподаванием в училищах некоторую известность, я более прежнего, почтеннейший наставник мой, чувствую нужду в руководителе, потому что сношения и связи мои с людьми распространились и умножились». Стурдза А. С. Письма о должностях священного сана. Т. II. С. 78.

Чем долее поживешь на поприще деятельного Пресвитерства, тем чаще будешь встречать многообразные виды искушений и напастей, требующих от нас то скорой помощи, то долготерпеливого пользования. Быстрым кругообращением производительных сил в движениях промышленности, особенно в больших городах, многие вытесняются из круга общественного труда и работы <...> Ищи убо сподвижников себе между сослужителями твоими в священном подвиге водительства искушаемых и призрения убогих. Старайся склонить их к дружному действованию, посредством взаимных сообщений и совещаний о каждом несчастном случае⁴⁵.

Отдельно стоит обратить внимание на выражение «деятельное пресвитерство». С одной стороны, в нем читается противопоставление между «деятельным» и «обыденным» (не названным Стурдзой) способом священнического бытия. Но необходимо учесть, что ключевым направлением работы Стурдзы, еще со времен его юности, была дискуссия с католичеством и его русскими сторонниками. В этом смысле напрашивается параллель между указанным фрагментом и выражением современника Стурдзы — Чаадаева о том, что католичество имеет своим началом «начало деятельное, начало социальное»⁴⁶. Может создаться впечатление, что Стурдза выстраивает своего священника как некое отрицание текущего положения вещей — стремится предложить некий гибридный тип «священника», в котором православной форме соответствует католическое «деятельное» содержание. Не отвечая однозначно положительно или отрицательно на этот вопрос, можно отметить, что понятие «деятельного» интерпретируется Стурдзой иначе, нежели у Чаадаева. Ведь если у Чаадаева «начало деятельное», оно же «начало социальное», то у Стурдзы наряду с «деятельным пресвитерством» существует также «деятельное безмолвие»⁴⁷. Это последнее выражение, восходящее к свт. Григорию Богослову⁴⁸, характеризует способ жизни, не укладываю-

45. Там же. Т. II. С. 104.

46. Чаадаев П.Я. Статьи и письма / под ред. Б.Н. Тарасова. 2-е изд. М., 1989. С. 243.

47. «Дражайший наставник! Возможно ли мне иногда не позавидовать деятельному твоему безмолвию? Оно чуждо соблазнов мира и житейских забот. Под кровом мирной обители вы находите все выгоды уединения и общечития, согласенные святой привычкой и вольным послушанием». Там же. Т. I. С. 85.

48. «С ними беседуя, великий Афанасий, как и для всех других был посредником и примирителем, подражая умиротворившему кровью Своею то, что было разлу-

щийся в традиционное различие между «деятельным» и «созерцательным». Для Стурдзы «деятельное пресвитерство» — это не характеристика активной общественной позиции, но скорее готовность к жертве и действию, среди вариантов которого существенным является действие «безмолвное», то есть молитвенное. Проблема «деятельного пресвитерства» и его соотношения с молитвенным деланием во весь рост стала в России гораздо позднее, уже в начале XX в., когда становление «типа современных пастырей» стал уже наблюдаемым явлением⁴⁹.

Сколь providенциальным, столь и неожиданным для рубежа 30–40-х гг. XIX в. выглядит явление, которое Стурдза описывает во втором томе. Молодой священник отчитывается своему старцу:

Мы собираемся к архипастырю по пятницам, и у него провождаем несколько вечерних часов в разговорах, занимательных для ума и неизреченно питательных для духа. Ибо повествования красноречивого Илариона сменяются вопросами и рассуждениями архипастыря; разговор делается общим; каждый из нас непринужденно рассказывает о замечательных случаях по своей пастве, смело предлагает свои недоумения, и получает вразумление. Ты легко представишь себе, отче, сколько мирные беседы сии доставляют нам пользы и удовольствия, в вожденном союзе честнаго пресвитерства с иерархом⁵⁰.

Стурдза не осведомляет читателя о какой (из около 40 на тот момент) епархии Российской Церкви идет речь. Однако, по всей видимости, речь идет о Киеве⁵¹ — одной из самых крупных епар-

чено (ср. Кол. 1, 20), так примиряет и пустынножительство с общежитием, показав, что и священство совместимо с любомудрием, и любомудрие имеет нужду в тайноводстве; ибо в такой мере согласил между собой то и другое и соединил в одно как безмолвное делание, так и деятельное безмолвие (καὶ πρᾶξις ἡσυχίαν, καὶ ἡσυχίαν ἐμψρακτον), что убедил поставлять монашество более в благонравии, нежели в телесном удалении от мира». *Григорий Богослов, свт.* Творения. В 2 т. М.: Сибирская благовзвонница, 2007. Т. I. С. 268.

49. *Василий (Бажанов), иер.* Желателен ли тип современных пастырей как общественных деятелей // Тамбовския Епархиальныя Ведомости. Тамбов, 1914. № 16–17. С. 310–314. См. также: Scarborough, D. L. (2012) *The White Priest at Work: Orthodox Pastoral Activism and the Public Sphere in Late Imperial Russia*, pp. 39–52. Diss. Ph.D. Washington, DC: Georgetown University.

50. Стурдза А. С. Письма о должностях священного сана. Т. II. С. 110.

51. Стурдза использует шифр «К...в» для обозначения города, где живет отец Александр.

хий того времени, в которой к 1859 г. имелось 1078 приходов⁵². Ее епархиальный архиерей с 1837 г. — свт. Филарет (Амфитеатров), который был, по всей видимости, вторым иерархом (после свт. Филарета Дроздова) по степени своего влияния на церковную и государственную политику. Пресвитерство Киевской епархии, с 28,1% выпускников семинарий на 1836 г., было одним из наименее образованных в империи⁵³. Ежедневными занятиями епархиального архиерея в этой ситуации были осуществление взаимодействия со Св. Синодом, разрешение множественных конфликтных ситуаций, в которых оказывалось вверенное ему духовенство, суждения по поводу священнических злоупотреблений. Если и мог позволить себе собрания преосвященный Филарет, то лишь с кругом начальствующих в духовной академии и иными духовными интеллектуалами⁵⁴. Тем не менее, представление о том, что еженедельные совещания архиерея с избранным кругом духовенства, да еще и посвященные разбору пастырских ситуаций, является невероятным не только для России; несомненно, такой формат был бы нереалистичным и для Западной Европы, равно как и для Молдавии и Греции — культурных контекстов, хорошо знакомых Стурдзе⁵⁵. Кажется,

52. Freeze G. L. (2014) *The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia: Crisis, Reform, Counter-Reform*. Princeton: Princeton University Press, p. 91.

53. Для сравнения в Московской епархии доля образованных священников составляла 73,6%, в Санкт-Петербургской — 52,2%. Ibid. P. 156.

54. «Воспользовавшись случаем, когда собирались к нему начальствующие и профессора Академии монашествующие и другие, попросту на домашний обед, [митр. Филарет] завел речь о предметах, близких к сказанному, и наконец поставив вопрос, как раз тот же самый, каким задавался о. Феофан, вдруг обратился к последнему: «А ну-ка, отче, как бы ты решил этот вопрос по твоей велемудрой науке?! Когда о. Феофан начал было повторять свое мнение, высокопр. Филарет обычным простодушным тоном сказал ему: эх отче-отче Феофане!...» *Сергий (Василевский), архим.* Высокопреосвященный Филарет в схимонашестве Феодосий (Амфитеатров), митрополит Киевский и Галицкий, и его время. В 3 т. Казань: тип. Окружного штаба, 1888. Т. III. С. 168.

55. Хотя, безусловно, имели место форматы похожие, в которых Стурдза мог черпать вдохновение. Так, например, устав католического епархиального дома святого Карла предполагает еженедельное «духовное собеседование», в котором участвуют священники, проживающие в доме. (1844) “Règlement de la maison Saint-Charles”, *Circulaire de monseigneur l’évêque de Saint-Brieuc à son clergé*. Saint-Brieuc: L. Prud’Homme, p. 36. Церковные конференции для священников с самого начала стали оружием Контрреформации наряду с семинариями. Во Франции XIX в. церковные конференции стали повсеместным явлением, часто именно епископ был их инициатором, но содержание этих конференций было в большей степени образовательным, нежели пастырским. Martinazzo, E.

что выяснению происхождения идеи об этих своеобразных пастырских семинарах может способствовать фрагмент из одного из биографических исследований, посвященных Стурдзе. Примерно в 1837 г.:

«В Берлине Александр Скарлатович <...> встретя молодых своих родственников [молдован], прибывших туда для образования, он удосужился по пятницам беседовать с ними о едином на потребу, из чего составились *Etudes religieuses, historiques et morales*»⁵⁶.

Если допустить, что, действительно, Стурдза воображал желательный для священников формат взаимодействия с архиереем по мотивам собственных собеседований с молодыми родственниками, становится понятна стратегия Стурдзы в целом, выявляющая в нем, пожалуй, наиболее деликатного, но и одновременно наиболее решительного «богослова-мирянина» своей эпохи. Как отмечает прот. Павел Хондзинский, Стурдза «очевидно, поддерживал разделение Церкви на “учащую” и “учимую”»⁵⁷ — что, впрочем, не мешало ему почерпнуть в самом себе художественный образ архиерея, представив его в качестве искомого, хотя и со всей очевидностью недостижимого.

Заключение

Возможно, роман Стурдзы был далек от исторической реальности. Прежде всего, его можно было бы укорить в своеобразной «сословной слепоте» — в нем совершенно нивелируется то колоссальное культурное размежевание между духовным и иными сословиями, которое сформировалось к 1840-м годам и которое

(2010) “Les conférences ecclésiastiques et la réforme des prêtres des paroisses du diocèse de Toulouse au XVIIe siècle”, *Annales du Midi* 122(269): 5–22; Boutry, P. (2007) “Les conférences ecclésiastiques au XIXe siècle”, *Revue d’histoire de l’Eglise de France* 93(1): 51–69.

56. *Неофит (Неводчиков), архиеп.* Краткое сведение о жизни и трудах А. С. Стурдзы. Одесса: Гор. тип., 1854. С. XV–XVI. Относительно Молдавии, родного для Стурдзы региона, можно сказать, что здесь дистанция между приходским духовенством и епископатом была не меньше, чем в России. Уровень образования священников был еще ниже, чем в России, а епископы были вовлечены в решение преимущественно политических вопросов, являясь этническими греками. См.: Leustean, L. N. (ed.) (2014), *Orthodox Christianity and nationalism in nineteenth-century southeastern Europe*, pp. 102–105. N.–Y.: Fordham Univ Press.

57. Хондзинский П., прот. «Церковь не есть академия»: Русское внеакадемическое богословие XIX века. М.: Изд-во ПСТГУ, 2016. С. 95.

продолжало нарастать и становилось все более заметным во второй половине XIX в. Однако, по всей видимости, именно это было задачей Стурдзы — представить священника в сообществе, где культурные границы оказались преодолены. Говоря об историках мирских и церковных, пишущих о Церкви, Стурдза замечает, что первые «изображают духовный чин вообще, как касту, искони враждебную успехам человеческого разума; мы описываем град Божий, приосеняющий все племена»⁵⁸. Но его священник, который и должен был быть «всем для всех» и во все времена, был не внеисторичным, а проективным — и именно в этом смысле «современным». Стурдза видел едва намечавшуюся в обществе ту или иную тенденцию, например, намечающуюся урбанизацию, со всеми сопутствующими ей социальными эффектами, проецировал ее дальнейшее развитие и предполагал каким бы мог быть «церковный ответ» — в данном случае, «дружное действие» духовенства при оказании помощи нуждающимся. Стирание границ (в т.ч. сословных), которое случится много позже и которым будет характеризоваться в большей степени XX век — это один из элементов, делающих чтение романа Стурдзы очень современным. Священник и аристократ, священник и епископ, священник и духовник, священник как педагог, священник как организатор общественной работы, священник в эпицентре дарообмена — все эти коммуникативные ситуации были вообразены Стурдзой, хотя, вероятно, не все из них были возможны в окружавшей его историко-культурной ситуации. Источником для воображения, как показывает исследование, могла быть ситуация совершенно отвлеченная и от клерикального быта, и от исторического опыта — как в случае с беседами у епископа и беседами самого Стурдзы. Но пастырские семинары, удивительно похожие на ту встречу с епископом, которую изображает Стурдза, стали частью церковной жизни в России лишь недавно, не раньше, чем произошло колоссальное увеличение числа епархий Русской Церкви, и когда к осознанию желательности схожего формата пришло церковное священноначалие⁵⁹.

58. Стурдза А. С. Письма о должностях священного сана. Т. II. С. 20.

59. См.: Патриарх Кирилл о пастырских семинарах: «Отмечу необходимость пастырских семинаров, которые периодически проводятся в викариатствах. Нередко, правда, эти семинары больше походят на лекцию викария или приглашенного гостя. Между тем важно, чтобы священники обменивались опытом по актуальным

Библиография / References

- Аксаков И. С. Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. В 3 т. М.: Русская книга, 2003. Т. 1: Письма 1838–1849 гг.
- Бухарев А. М. О православии в отношении к современности. СПб.: Тип. Торгового дома С. Струговщикова, Г. Похитонова, Н. Водова и К^о, 1860.
- Василий (Бажанов), иер. Желателен ли тип современных пастырей как общественных деятелей // Тамбовския Епархиальные Ведомости. Тамбов, 1914. № 16–17. С. 310–314.
- Виноградов В. В. История слов: Ок. 1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связанных. М., 1999.
- Григорий Богослов, свт. Творения. В 2 т. М.: Сибирская благовозвонница, 2007. Т. I.
- Домникова Г. М. Александр Скарлатович Стурдза (опыт характеристики) // Христианство и русская литература. СПб.: Наука, 2002. Т. 4. С. 250–278.
- Емельянов Н., Юдин Г. Структурная позиция священника в системах дарообмена // Социологическое обозрение. М.: НИУ ВШЭ, 2018. Т. 17. № 3. С. 9–29.
- Иннокентий (Пустынский), иером. Пастырское богословие в России за XIX век. Сергиев-Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1899.
- Кирилл (Гундяев), патр. Важно, чтобы священники обменивались опытом по актуальным вопросам пастырской практики. 22.12.2016. [https://priest.today/news/patriarch_kirill_o_pastirskih_seminarah, доступ от 13.12.2023].
- Лютько Е. «О должностях пресвитеров приходских» в контексте Синодальной эпохи // Доклад на семинаре «Современные проблемы богословия священства» 20.02.2016 г. [URL:] https://www.academia.edu/116795458/_О_должностях_пресвитеров_приходских_в_контексте_Синодальной_эпохи [доступ 04.04.2024].
- Маслов Б. П. От долгов христианина к гражданскому долгу (очерк истории концептуальной метафоры) // Очерки исторической семантики русского языка раннего Нового времени / под ред. В. М. Живова. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 201–270.
- Минаков А. Ю. А. С. Стурдза: интеллектуальная биография православного мыслителя // Христианское чтение. СПб.: Изд-во СПбДА, 2016. № 1. С. 176–194.
- Н. Р. [Рец.] Письма о должностях священного сана // Северная пчела. СПб., 1842. № 86 (17 апреля). С. 543.
- Неофит (Неводчиков), архиеп. Краткое сведение о жизни и трудах А. С. Стурдзы. Одесса: Гор. тип., 1854.
- Парфений (Сопковский), еп., Георгий (Конисский), архиеп. О должностях пресвитеров приходских от Слова Божия, Соборных Правил и учителей церковных сочиненная. СПб.: Синодальная типография, 1776.

вопросам пастырской практики. При такого рода встречах, в известной мере, уместны прения участников». Кирилл (Гундяев), патр. Важно, чтобы священники обменивались опытом по актуальным вопросам пастырской практики. 22.12.2016 [https://priest.today/news/patriarch_kirill_o_pastirskih_seminarah, доступ от 13.12.2023].

- Парсамов В. С. (2004) *Жозеф де Местр и Александр Стурдза: из истории религиозных идей Александровской эпохи*. Саратов: Изд-во Саратовского университета. Порфирий (Успенский), еп. Его церковная программа // О возрождении Русской Церкви. Вышний-Волочек: Тип. В. С. Соколовой, 1905. С. 48–52.
- Сдвижков Д. В. Изобретение XIX века. Время как социальная идентичность // Изобретение века: Проблемы и модели времени в России и Европе XIX столетия / ред. Е. А. Вишленкова, Д. А. Сдвижков. М.: НЛЮ, 2013. С. 15–39.
- Сергий (Василевский), архим. Высокопреосвященный Филарет в схимонашестве Феодосий (Амфитеатров), митрополит Киевский и Галицкий, и его время. В 3 т. Казань: тип. Округного штаба, 1888. Т. III.
- Стурдза А. С. Письма о должностях священного сана. М.: Синодальная типография, 1861. Т. 1.
- Стурдза А. С. Ручная книга православного христианина / перевод с греч. С. Дестунис. СПб.: Тип. К. Крайя, 1830.
- Филарет (Гумилевский), свт. Обзор русской духовной литературы. 862–1863. Кн. 2. СПб., 1884.
- Филарет (Дроздов), свт. Собрание мнений и отзывов Филарета, Митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам. 1885. Т. 3.
- Хабермас Ю. Структурная трансформация публичной сферы: Исследования относительно категории буржуазного общества / под ред. М. Беляева; пер. В. И. Иванова. М.: Весь мир, 2016.
- Хондзинский П., прот. «Церковь не есть академия»: Русское внеакадемическое богословие XIX века. М.: Изд-во ПСТГУ, 2016.
- Чаадаев П. Я. Статьи и письма / под ред. Б. Н. Тарасова. 2-е изд. М., 1989.
- “Règlement de la maison Saint-Charles” (1844), *Circulaire de monseigneur l’évêque de Saint-Brieuc à son clergé*. Saint-Brieuc: L. Prud’Homme.
- Boutry, P. (2007) “Les conférences ecclésiastiques au XIXe siècle”, *Revue d’histoire de l’Eglise de France* 93(1): 51–69.
- Černý, A. (2020) “Sündenvergebung oder spirituelle Führung? Transformation der Bedeutung von „duhovnik“ in der russischen Sprache des 19. Jahrhunderts”, *Slověne* 11(1–2): 149–167.
- Freeze, G. L. (1977) *The Russian Levites*. Cambridge: Harvard University Press.
- Freeze, G. L. (2014) *The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia: Crisis, Reform, Counter-Reform*. Princeton: Princeton University Press.
- Ghervas, S. (1999) *Alexandre Stourdza (1791–1854). Un intellectual orthodoxe face à l’Occident*. Genève: Ed. Suzanne Hurter.
- Ghervas, S. (2008) *Réinventer la tradition. Alexandre Stourdza et l’Europe de la Sainte-Alliance*. Paris: Honoré Champion.
- Kippis, A. (1760) “Brown (John)”, *Biographia Britannica*, pp. 653–674. London: by W. and A. Strahan. Vol. 2.
- Leustean, L. N. (ed.) (2014) *Orthodox Christianity and nationalism in nineteenth-century southeastern Europe*. N.–Y.: Fordham Univ Press.
- Martinazzo, E. (2010) “Les conférences ecclésiastiques et la réforme des prêtres des paroisses du diocèse de Toulouse au XVIIe siècle”, *Annales du Midi* 122(269): 5–22.
- Mosin, O. (2019) *Umanismul filosofiei creștine în opera lui Alexandru Scarlat Sturza*. Teză de doctor în filosofie. Chișinău: USM.

- Scarborough, D. L. (2012) *The White Priest at Work: Orthodox Pastoral Activism and the Public Sphere in Late Imperial Russia*. Diss. PhD. Washington, DC: Georgetown University.
- Stourdza, A. (1858) "Notions sur la Russie", *Oeuvres posthumes, religieuses, historiques, philosophiques et littéraires. Notion sur la Russie. Mission du Kamchatka*. Paris: Dentu.